

ҮЗЫ БЕЛОГО ЛОТОСА

АДЕЛА
КЭТЧЕР

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К98

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрации на переплете и в блоке HerbstRegen

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© ChekmanDaria / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Кэтчер, Адела.

К98 Узы Белого Лотоса / Адела Кэтчер. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-211264-5

Токио, Япония, наши дни.

Молодой архитектор из Китая, Ло Кай, приезжает в город для работы над проектом по реставрации. Он сосредоточен на карьере, а его жизнь упорядоченна и расписана в деталях наперед. Кажется, что так будет всегда.

Но в один день Ло Кай встречается молодого мужчину, Цай Яна, который сам рано стал сиротой и в одиночку воспитывает двенадцатилетнего ребенка. Судьба Цай Яна наполнена трагедиями и потерями, но его жажда жизни, стремления и мечты так заразительны, что Ло Кай не может сопротивляться желанию помочь ему и мальчику под его опекой.

Смогут ли разбитые семьи сплотиться?

И какую цену им придется за это заплатить?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211264-5

© Кэтчер А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Моим родителям.
За веру в Семью.*

Пролог ТОКИО

*And even though the streets are filled with pain
There's a part of me that always wants to stay
In your town
And time stays frozen, all seems golden now.*

♪ LP — Your Town

Токио пахнет теплой горечью. Каждый раз, когда мы встречаемся с этим городом, он ведет себя как обиженный, но преданно ждавший все это время друг. Хорошо пройтись по залитым ярким солнечным светом улицам без тротуаров ранним утром и выпить кофе в кофейне рядом со станцией Акасака-Мицукэ, где готовят пончики с клубникой и разрешают выкурить сигарету на крытой веранде в дождь — прямо рядом со знаком «курить запрещено».

Токио в принципе мало что запрещает. Город притворяется строгим и слишком помпезным для такого маленького тебя. Смотришь вечером на разгорающееся над головой море огней в окнах небоскребов и зажженные красные фонарики в гирляндах и думаешь, какое такому роскошному господину дело до тебя, такого незначительного.

А потом понимаешь, что в этом тоже есть свой шарм. В чувстве бесценной потерянности. Когда ты не принадлежишь никому и никто не принадлежит тебе. Ни правил, ни ограничений, ни запретов, только ты и город, сияющий ночами так, что боги щурят глаза и отворачиваются, и бледнеющий днем до туманно-серого, когда только люди делают его пестрым.

В Токио не бегут от одиночества — его ищут. Ищут очень осторожно, чтобы не окунуться в него с головой, но держать на коротком поводке, всегда рядом, с целью притянуть поближе в любой момент.

Мой магазин — тот самый поводок, который помогает одиночеству, царящему вокруг, перестать быть абсолютом. Вот эти голубые конверты — по десять штук в одной прозрачной упаковке — из красивой и плотной шероховатой бумаги скоро отправятся на материк. А вот эти открытки, рядом с которыми я бережно устраиваю оранжевые, как спелые тыквы, наклейки на Хэллоуин, разлетятся по Хонсю: в Хиросиму, Киото, Химэдзи, Камакуру и Оцу.

Хрустящая белая бумага, ленты, тонкие кисти, маленькие коробочки, пахнущие бамбуком, разноцветные печати и легкомысленные клейкие ленты с изображениями кроликов, карпов кои и лисиц — все это заставляет моих посетителей замереть у стоек и прилавков с легкой полуулыбкой. Я знаю, о чем они все думают. Воображают, как их послания преодолеют сотни или тысячи километров и окажутся в ласковых руках, по которым каждый из них так скучает.

Выходя из моего магазинчика, люди отправляются на почту в конце квартала, в кофейню на углу узкой улочки или к себе домой, чтобы сесть за стол, выдохнуть и что-нибудь написать, хотя бы черкнуть пару строчек или короткое «я скучаю».

В расцвет современных технологий почта и то очарование, которое всегда витает над простыми бумажными письмами и открытками, нисколько не утратили своего значения. Оно по-прежнему здесь: в шелесте листов с узором из маленьких облаков по нижнему краю, в хрусте конвертов и гладком прикосновении к подушечке пальца почтовой марки за 82 йены.

Я люблю каждую улыбку, что вижу на лицах незнакомцев, каждый мимолетный взволнованный жест, когда они расплачиваются на кассе и вспоминают, что забыли купить маленькие шоколадки с зеленым чаем, которые не растают в пути, особенно если сложить их в бумажный пакет и устроить бережно в уголке коробочки.

Но я отвлеклась.

Это очень нежная и немного грустная история. Да, вам будет грустно. Возможно, если у вас хрупкое и чуткое сердце, вам даже придется смахнуть пару слезинок со щек, когда вы будете слушать ее. Но эта грусть будет светлой, поверьте. А еще вам наверняка захочется вдохнуть воздух Камакуры, пропахший океанским теплом, ощутить, как струится по коже теплый ливень в бамбуковой роще в Арашияме, увидеть, как пустеют улицы Киото, едва солнце проваливается за горизонт по вечерам. И обнять тех, кто вам дорог.

Почаще обнимайте тех, кто вам дорог. Даже если вы только что пришли сюда и только уселись с чашкой кофе или чая, чтобы выслушать меня, и еще не предполагаете, что за историю узнаете. Сделайте это прямо сейчас. Я подожду здесь.

А если не можете обнять, на полочке слева, той самой, которая похожа на полукруглый пьедестал из состаренного дерева, вы найдете бумагу для писем и плотные конверты,

украшенные изображениями белых цапель и цветущих лотов. Возьмите и напишите то, что хотите сказать.

И если некуда отправить — просто сожгите. Пусть звезды увидят это и донесут туда, куда вам не попасть.

Они заходят ко мне по четвергам, когда я успеваю выпить первую чашку кофе и принимаюсь за составление маленьких композиций из засушенных цветов и трав, которые так любят класть в посылки те юные девы, что забегают в мой магазин, всегда взволнованные и нежные.

Ему двадцать восемь. Я не догадалась, нет, просто спросила. Если бы довелось мне угадывать, я едва ли дала бы ему двадцать. Черты лица тонкие и живые, умный и ясный взгляд, звенящий голос и задорная улыбка, за которой и не определишь сразу, что же там на сердце. Он носит длинные волосы — чуть длиннее, чем того требует какая-то мода, от которой я далека, — и часто собирает их набок так, что кончики слегка щекочут ему шею и ключицы, и он задумчиво теревит их пальцами, пока рассматривает открытки.

С ним всегда приходит мальчик. Ему двенадцать, и он без исключений первым делом подходит к моей маленькой стойке в конце магазина, чтобы поздороваться, и только потом направляется к полочке с почтовыми конвертами. Он любит красный и голубой цвета, как я уже успела за это время определить по его выбору. Чтобы его порадовать, я всегда бросаю в пакет наклейки для писем с алыми фонариками и нежными облаками, словно складываю воедино огненную осень и ледяную зиму.

Они не родственники, эти двое, но если вы взглянете на них, несомненно, увидите ту привязанность, которую и не различишь порой даже между отцом и сыном, дядей и племянником, братом и братом.

Такая привязанность — с одной стороны, осторожная и чуть взволнованная, с другой — искренняя, благодарная, — бывает лишь между сиротой и заботливым человеком, который сам еще не перестал быть ребенком, но уже вынужден принимать взрослые решения.

Мальчик, Сун Бэй, — сирота. Это я поняла в первый же день, когда увидела его и встретила его взгляд. Добрый и открытый, вопреки распространенному мнению о брошенных детях этого возраста. Он никогда не обращается к своему взрослому спутнику иначе, чем «господин Цай».

И даже когда я со своего места вижу, как задумывается о чем-то Цай Ян — он представился, сказав, что теперь они живут в этом районе, когда они зашли ко мне впервые, — он все равно всегда улыбается, оборачиваясь, когда слышит это «господин Цай».

Это очень нежная история. Из тех, что заставляют нас верить в то, что звезды слышат каждого, а кому-то — даже отвечают.

Конечно же, это так.

Ведь я же здесь. И я говорю с вами.

* * *

Закрепленный напротив тяжелой двери фурин переливается тонким звоном. И этот звук успокаивает, в отличие от вибрирующего в кармане пиджака телефона.

— А-Кай¹, я жду тебя у входа. Ты далеко? — слышится на другом конце связи голос брата.

¹ В китайском языке «а» перед именем обозначает ласковое обращение к детям, младшим членам семьи или младшим друзьям.

— Нет, буду через десять минут. Зашел купить ручку.

В трубке на мгновение повисает молчание, и за это время Ло Кай успевает окинуть взглядом небольшой магазинчик, но не найти с ходу то, что ищет.

— Ручку? — переспрашивает Ло Юншэн. — Твой ноутбук у меня, как ты и просил. Зачем тебе ручка?

— Ты знаешь, что я всегда все записываю, — спокойно отзывается Ло Кай, кивая женщине за стойкой, которая поднимается со своего места, увидев его, и слегка кланяется в знак приветствия. Слова «добро пожаловать» читаются по ее губам, но она не произносит их, чтобы не отвлекать его от разговора.

— Уверен, в огромном бизнес-центре точно найдется пара ручек для тебя, — продолжает брат.

— Я скоро приду. Пожалуйста, подожди меня внутри — на улице жарко.

— Меня это не тревожит, я люблю, когда тепло, — усмехается Ло Юншэн. — Так и скажи, что тебе просто захотелось прогуляться по Токио.

— Не совсем.

— Да, меня тоже не радует эта встреча. Куда с большим удовольствием я бы съездил в такую погоду к океану.

— Не получится, мне нужно работать, — отвечает Ло Кай, продолжая искать глазами ручки. Он ошибся магазином? С витрины все выглядело так, будто здесь продают канцелярские товары.

Женщина за стойкой переводит взгляд за его спину, и ее худощавое лицо озаряет улыбка.

— Госпожа, а такие есть красные? — слышится позади, и Ло Кай, еще раз пообещав старшему брату вскоре присоединиться к нему, сбрасывает вызов.

— Я заказала, сегодня привезли, — жизнерадостно говорит хозяйка магазина и исчезает за стойкой.

Обернувшись, Ло Кай видит мальчика в белой футболке с ярко-красной кепкой, которую тот держит в одной руке. В другой у него — небольшая пачка листочков для писем с зеленым узором по краю. Подняв на него взгляд, ребенок улыбается и откладывает бумагу, выуживая с края полки рядом простую шариковую ручку.

— Господин, это вам. Других здесь нет, только кисти, — приветливо говорит он, протягивая ее Ло Каю.

Он говорит на китайском, кстати, как и хозяйка магазина. Не редкость для Токио, но забавное совпадение в первый же день его приезда в японскую столицу.

— Спасибо, — говорит он, забирая из его пальцев ручку. Подойдет, пока он не доберется до своих вещей, которые доставили в отель, чтобы вернуть свой Parker на законное место в кармане пиджака.

Он уже собирается подойти к кассе, чтобы расплатиться, когда из-за высокой крутящейся стойки с открытками появляется еще один человек, который так наклонился в сторону, что его длинные волосы, сцепленные сбоку двумя неширокими резинками — у самого уха и ближе к кончикам, — свесились с плеча.

— А-Бэй, смотри, тыковка! — с этими словами он машет зажатой в пальцах открыткой, с которой широко улыбается хэллоуинская тыква. Несмотря на середину сентября, в Японии уже всюю готовятся к этому празднику.

— Господин Цай, мы же договорились, что в этом году празднуем твой день рождения, а не Хэллоин, — отзывается мальчик, который дал Ло Каю ручку. Кроме них двоих

и хозяйки, в магазине только одна девушка у дальних полок с цветными клейкими лентами.

— Никто не мешает совместить, — продолжая ярко улыбаться, говорит тот.

— В прошлом году все закончилось тем, что ребята нарядили тебя в черный балахон, назвали демоном и ты весь вечер развлекал их. А должно быть наоборот, — веско отвечает мальчик.

«Господин Цай» надувает губы.

— А по-моему, мне все это очень даже шло!

— Можешь надеть то же самое.

— Ах ты! Но тыковку я все равно возьму!

Мальчик смеется и спешит к стойке с кассой, когда хозяйка магазина подзывает его. Ло Кай моргает, опуская взгляд на зажатую в пальцах ручку. Он так отвлекся на этот странный разговор, что совершенно забыл о времени. Брат Юншэн, наверное, уже решил, что он скупил все ручки в этом районе.

Пока он расплачивается, мальчик рассматривает приготовленные для него листы для писем.

Ло Кай никак не ожидает, что, когда он уже соберется наконец уходить, тот поднимет взгляд, улыбнется и скажет:

— До встречи, господин.

Глава 1

КРАСКИ

*Gave love 'bout a hundred tries
Just running from the demons in your mind
Then I took yours and made 'em mine
I didn't notice 'cause my love was blind.*

♪ Halsey — *Without me*

— Доброе утро, господин!

Утро Ло Кая всегда начинается одинаково, где бы он ни находился. Он рано ложится спать и рано встает, и этот режим, который соблюдается годами, вложен в него с самого детства. Им с братом Юншэном как-то и в голову не приходило спрашивать, почему он именно такой. Наверное, потому? что так действительно лучше: получается успеть многое сделать за день и решить все необходимые вопросы в рабочее время, а не ночью. Когда Ло Кай учился в университете, он всегда недоумевал, почему все его однокурсники поголовно не высыпались по ночам в период сессии. Ведь это совсем несложно — взять и выучить билеты в течение дня. Однако в этом его мало кто понимал.

Девушка за стойкой ресепшна приветливо улыбается и кланяется. Ло Кай отвечает ей тем же и подходит к дверям

